
УНИВЕРСИТЕТ, КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

С. А. Гончаров, К. В. Преображенская

УНИВЕРСИТЕТ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ¹

СТАТЬЯ 1

Университет на протяжении нескольких веков является важнейшей частью различных дискурсов — философского, социологического, экономического и т. д. История демонстрирует удивительное постоянство при разных подходах, точках зрения и концептуализациях этого феномена в отношении его востребованности. Стремление понять, определить и предписать университету универсальную идею, миссию в истории общества предпринимались особенно активно в периоды парадигмальных сдвигов, которые захватывали не одну область кардинальных изменений, а целый комплекс, в котором понятие картины мира, модели общественного (социально-экономического) устройства и глобальных контекстов весьма значимо.

Сегодня тема университета вновь стала исключительно актуальной в контексте прагматических решений и модернизационных дискурсов, которые вызывают бурные реакции и дискуссии (см., например, материалы дискуссий, организованной редакцией журнала «Вопросы высшего образования», или материалы конференций Высшей школы экономики). Кроме того, важнейшие тренды современного образования обозначают некоторые угрозы существованию университетов. Имеется в виду мощное развитие on-line платформ электронного образования — таких ресурсных резервуаров, как coursera.org, или в России [universarium](http://universarium.ru), а также стремительное развитие сектора неформального образования. Иначе говоря, мир порождает альтернативные источники получения не только информации, но и образования, компетенций, профессий. В контексте глобальных изменений рождение множества «университетов» и их же умирание заставляет задуматься над их судьбой в XXI веке.

История культур-философского осмысления университета разворачивает ряд идей и моделей университета с набором функций, миссий, характеристик, имеющих различные акценты. В зависимости от этих акцентов выстраиваются различные конфигурации. Можно говорить об определенном инварианте университета, своеобразном социокультурном архетипе, который просвечивает сквозь все версии исторических концептуализаций.

Иными словами, история утверждает университет как динамичную категорию, которая формируется не автономно, но в системе коммуникативных отношений и конкурирующих институтов за право производить знания, смыслы, ценности, компетенции, оценки, традиции, форсайты и т. д. И особенно — за право определять духовно и ин-

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 14-06-00853 «Модель коммуникативного пространства современного университета: социоэкономические и культурно-антропологические факторы»).

теллектуально мир человека в его отношении к обществу и истине. Вот это следует особенно подчеркнуть.

Сегодня, когда университетское образование вынужденно становится все более и более прагматичным и его развитие в самой значительной степени определяют условия финансирования, отражающие реальные приоритеты и стратегии государства, чрезвычайно важно осознать и активно формировать в общественном сознании и у государственной власти понимание идеи и миссии университета в условиях глобального образования, стремительно меняющейся жизненной среды и современной антропологии постиндустриальной эпохи. Без этого понимания самое существенное в развитии университетского образования будет упущено.

К сожалению, исторический и общественный смысл университетского образования и понимания феномена университета, который активно разрабатывался с XIX века, сегодня далеко не прояснен или просто забыт. Идея и миссия университета не сформулированы в программе модернизации образования, отсутствуют они в общественном сознании и в целом в государственной политике. Высшее гуманитарное образование, несмотря на многие важные признания, тем не менее становится образованием менее значимым нежели образование, обеспечивающее промышленные отрасли, а педагогическое образование в последние годы проходит этап серьезных испытаний и трансформаций. Прагматика знания кардинально меняет структуру университета, превращая его в решение только кадровых вопросов рыночной экономики. Идея университета сведена к узко понятой проблеме подготовки кадров. Университетская антропология оказывается за пределами прагматики.

Отсутствие внятной концепции гуманитарного образования в России на государственном уровне, проблемные сценарии развития высшего педагогического образования оказывают серьезное влияние на национальную культуру и векторы ее развития. Одна из острейших проблем современного университетского образования в разрыве гуманитарной теории и образовательной практики — не только с европейской, но и отечественной философско-образовательной традицией.

Процесс модернизации образования в России, независимо от того, как он организуется и протекает — исторически неизбежный процесс и необходимость. Это общеевропейский и даже общемировой процесс, который нельзя объяснить одним понятием «глобализация». Мир обновляется информационно, стремительно меняются среда и условия существования человека, границы между различного типа информационно-культурными автономиями и системами становятся прозрачными и проницаемыми. Об обновлении говорят не только чиновники, но об обновлении говорят и сами профессионалы.

Интересно, что под обновлением часто имеется в виду воскрешение архетипического смысла, что и является частичным преодолением культурного разрыва. Ш. А. Амонашвили отмечает: «...изначальные понятия — школа, учитель, урок, ученик, образование — требуют другого раскрытия, восстановления того смысла, который был в них когда-то, но оказался выхолощенным». Также он говорит о необходимости исследования «четвертого» измерения в педагогике — духовного мира как общения с «образами» — «духовной устремленности вверх, к свету», как с сутью человека, который создан по образу и подобию Бога. Задача педагога — помочь прорасти этому «образу» в человеке, раскрыть его, «восстановить тот смысл, который был в них (в понятиях образования. — С. Г.) когда-то»¹.

¹ Амонашвили Ш. А. Образ и образование // Педагогика Культуры. СПб., 2005. № 2. С. 7–11. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Миссия университета» говорит о просветлении человека как стратегической цели университетского образования.

Эти идеи не оригинальны, но важны тем, что лежат в русле глубинной общеевропейской мысли, восходящей к Платону, а в эпоху Нового времени — Канту и Гегелю, в XX веке — Ф. Ницше, Х. -Г. Гадамеру, М. Хайдеггеру и др. и вновь и вновь возвращают нас к проблемам педагогической антропологии, к связям образования и философии и в конечном итоге — к проблемам философии образования и к тем гуманитарным контекстам, вне которых развивалась наша теория образования и педагогики.

Это действительно важно и касается сути педагогической антропологии, которую мы преимущественно декларируем, оставаясь в рамках авторитарного предметоцентризма, весьма противоречиво объединяя «знания» (в лучшем случае — «компетентности») с идеей воспитания и развития личности в нашем внеисторичном понимании этих понятий. Идея антропоцентризма современной педагогики формулируется чаще всего вне гуманитарного (прежде всего — философского) контекста европейской традиции. Именно поэтому сегодня многие понятия в области образования необходимо наполнять культур-философским смыслом и идти к подлинной междисциплинарности и интегративности образовательного пространства. Признавая необходимость реализации духовно-антропологического подхода к становлению культуры профессионально-личностного самоопределения учителя, мы говорим о пространстве культуры, в котором учитель духовно совершенствуется и самоопределяется как духовное существо. Но еще слабо представляем конкретные механизмы, пути и технологию, «обеспечивающих самоопределение личности в культуре и в жизни»¹.

Университет — это пространство, наполненное особым набором человеческих ролей, отношений, качеством университетской личности, стилем поведения, это комплекс и сгусток человеческого духа, опредмеченного в практике личностно-профессионального поведения, и здесь оказывается важной интерпретация объектов культуры не только в историко-архитектурном аспекте, но и в контексте сохранения «материальных, интеллектуальных и художественных ценностей эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства»². Университет и есть объект и субъект культуры, он призван возвращать «культуру духа».

Современные научные дискуссии о культуре фиксируют предельно широкое понимание культурного наследия, которое, с одной стороны, оказывает неизбежное влияние на мировоззрение (ландшафт, архитектура, культура повседневности), а с другой стороны — утрата оснований, казалось бы, естественно и закономерно присутствующих в разных типах ментальности, приводит к потерям не только частного характера (кризис национальной и личностной идентичности), но и фундаментальным (утрата геополитической стабильности, глобальный ценностный кризис).

Ханс Кохлер в своем выступлении на десятой, юбилейной сессии Родосского форума «Диалог цивилизаций» поставил вопрос о проблеме «культурного самопонимания». Сегодня тема культуры и ее сохранения осложняется почти тотальным отсутствием культурной идентичности в сфере осознанной деятельности человека. Мы сталкиваемся с культурой как с химерой (образ прошлого), как с театрализованным образом (практика реконструкций), но почти никогда — в ее «трезвой», естественной форме. И если культурные клише еще живут в нашей повседневности — то это результат консервативности традиции, медленно включающей в себя любые нововведения, начиная от семейного быта и заканчивая одобряемыми обществом социальными стратегиями.

¹ Никитина Н. Н. Духовно-антропологический подход к становлению культуры профессионально-личностного самоопределения учителя // Педагогика культуры. СПб., 2005. № 1. С. 7.

² Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1487).

Государственность, всегда озабоченная социальной стабильностью, конечно же, стремится по возможности «легитимизировать» культуру, пусть в понятии «культурного наследия» или «памятника истории и архитектуры». Однако уже начиная с 90-х годов в России обнаружилась парадоксальная ситуация: власть, выбравшая в качестве точки отсчета самое начало формирования российской государственности, планомерно сокращала финансирование реставрационных и музеефикационных работ. Так, согласно материалам известного российского реставратора, В. Д. Сарабьянова, в период с конца 1960-х годов до середины 1980-х годов в России комплексные реставрационные работы поддерживались серьезным бюджетным финансированием. В эти годы были полностью или частично отреставрированы многие памятники древней архитектуры, а объекты монументальной живописи в целом выведены из аварийного состояния, а некоторые полностью отреставрированы и включены в музейный показ (например, в Великом Новгороде). В настоящее время, при наличии деклараций в пользу развития культурно-исторических центров, процесс финансирования реставрационных работ развивается в прямо противоположном направлении. На примере Великого Новгорода: в 2008–2009 годах реставрация монументальной живописи велась на четырех объектах, в 2010 году только на одном, в 2011 году по федеральным программам, осуществляемым через Министерство культуры РФ, на новгородские памятники средств выделено не было.

Возможно, причина в том, что «почти четверть века в России явно доминировала формальная, технократическая модель развития, односторонняя, ориентированная лишь на экономический результат... Как-то незаметно произошла сущностная подмена ключевых понятий: культура в обиходе стала восприниматься как товар, как услуга, в лучшем случае как способ развлечения, а не как высшая ценность и неотъемлемая потребность человека и общества, его важнейшая, ничем не заменимая духовно-нравственная опора»¹.

Действительно, «выделение культуры в некую отрасль бытового обслуживания населения — свидетельство полного непонимания её сущности»², однако именно такой подход был зафиксирован в известной Концепции 2020.

В этом контексте любопытно обратить внимание на заочную дискуссию о ценности российских цивилизационно-культурных оснований, обнаружившую себя в год 1150-летия российской государственности. В статье «Россия: национальный вопрос» В. В. Путин, в частности, отмечал, что в основе российской идентичности лежит единый культурный код, обладающий мощным консолидирующим потенциалом, как в пространстве, так и во времени³. Понятие культурного кода, а впоследствии и понятие «духовных скреп» общества, также введенное в обиход Президентом РФ, стали магистральными темами для концептуальных подходов, озвученных в ряде проектов государственной политики в социальной сфере⁴.

Между тем, в начале того же 2012 года вышла статья И. Яковенко⁵, в яркой дискуссионной форме позиционирующая идею несовместимости традиционных цивилизаций и стратегий общественного обновления. Он утверждал, что упорствующие в «архаических» культурных основаниях могут рассчитывать лишь на пассивное «доживание»

¹ Из выступления советника Президента РФ по культуре и искусству В. И. Толстого на итоговом пленарном заседании Всероссийской научно-общественной конференции «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века». Великий Новгород, 21 сентября 2012 года.

² Там же.

³ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

⁴ Поворот к социальным аспектам государственной политики был заявлен в 2012 году указами Президента РФ В. В. Путина «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», подписанных 7 мая 2012 года.

⁵ Яковенко И. Образование новой России // Новая газета. 2012. № 29. 16 марта.

в то время, как жизнеспособной силой обладает только экономико-правовая парадигма воспитания, и поэтому необходимо привить молодому поколению привычку «мыслить интересами»¹

Перед нами очевидные расхождения в трактовке понятия человеческого капитала, которое даже при предельно позитивистских трактовках, неотделимо от понятия общественного мировоззрения. В ситуации утраты мировоззренческого влияния социальных и гражданских институтов именно образование и культура становятся ресурсами сохранения и утверждения ценностных установок, а значит — преемственности линий социальной стабильности.

В связи с возрастающей ролью «человеческого капитала» необходимо пересмотреть взгляд на образование лишь как на инструмент достижения экономического процветания государства.

При ориентации на техническое, естественнонаучное знание возможны технократические решения, приносящие скорый и конкретный результат (например, увеличение числа трудоустроенных специалистов-инженеров, внедренных технологий, опубликованных материалов). Однако сами по себе такие достижения не являются маркером стабильности социокультурного развития государства (а именно такая цель заявлена в политическом и законотворческом поле).

Доклад, представленный на Совместном заседании Президиума Государственного совета и Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству в конце 2009 года, поднимает тему успешности государства как итога солидарности общества, единства гражданского и личного самосознания.

«Исключительное внимание государства и общества к культуре закономерно. В Стратегии долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р) культуре отводится “ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний”. Причина исключительной роли культуры при переходе от сырьевой к инновационной экономике ясно сформулирована в Стратегии: это повышение профессиональных требований к кадрам, “включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества”»².

В этой связи формирующаяся система рейтингования и мониторинга функционирования российских образовательных учреждений должна, несомненно, учитывать культурообразующий характер российского образования, что позволило бы избежать общественно резонансных издержек этого процесса, когда гуманитарное, художественное и педагогическое образование оцениваются как технологические аутсайдеры. Более того, вопреки устоявшимся мнениям о приоритете технических наук в системах международного рейтингования, по оценкам экспертов, российские вузы демонстрируют явный дисциплинарный перекоп: их статус чрезвычайно низок именно по причине слабой представленности социальных наук и наук о человеке.

В современном мире образование не может рассматриваться только как «сфера услуг». Оно принадлежит «сфере гуманитарной практики, работающей в духовно-нравственном мире личности, организующей ее способность к инновациям, к воспроизводству знания»³.

¹ Яковенко И. Образование новой России // Новая газета. 2012. № 29. 16 марта.

² Доклад «Повышения роли культурно-исторического наследия в воспитании патриотизма, сохранении единства и многонациональной самобытности России» // Материалы Совместного заседания Президиума Государственного совета и Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству (18 сентября 2009).

³ Валицкая А. П. Педагогическое образование как стратегический ресурс развития страны // Вестник Герценовского университета. 2010. С. 87–88.

Гуманитарному знанию и образованию сегодня незаслуженно придается второстепенное или вспомогательное значение. «Социокультурная реальность кардинально изменилась, и становится чрезвычайно важным осуществить междисциплинарный синтез полноценного гуманитарного знания и образования с широким спектром социально-экономических, философских, информационно-управленческих, коммуникационных наук»¹.

Если рассматривать современную эпоху как век человеческого капитала, то необходимо учитывать, что «процесс принятия стратегических решений в любой области, будь то в технической или управленческой, требует гуманитарной базы. Сегодня наблюдается интеграция целого спектра наук, что создает сферу широких оценок. Центральное звено в этой междисциплинарности — гуманитарное знание»².

В этой связи необходим пересмотр ряда походов к формированию современных образовательных и социокультурных стратегий. Необходимо формирование согласованности между стратегическими задачами государственного развития и концепциями совершенствования системы образования, что выражалось бы в особом внимании к сфере гуманитарного знания и культуры. Речь идет не о простом сохранении гуманитарного компонента современного российского образования: сегодня востребованы гуманитарные технологии, позволяющие вывести на новый уровень систему общественных коммуникаций.

Применение принципов гуманитарных технологий в самом процессе обучения этим технологиям и вообще в современном образовательном процессе имеет многоаспектный характер. Здесь важно отметить, по крайней мере, два аспекта. Первый — превращение студента-объекта в субъекта совместного интерактивного процесса. Второй аспект — формирование компетентностей для гуманитарно-технологической деятельности независимо от профиля подготовки. Совершенно очевидно, что вся процедура перевода информации в знание и далее в практическое применение невозможна без развития зоны практической подготовки на основе смысло-деятельностного подхода (здесь важнейшее значение имеют теория и практика Школы культурной политики П. Щедровицкого, его коллег и последователей) и широкого спектра игровых технологий. Особо следует подчеркнуть принципиальную значимость в системе подготовки гуманитарного технолога интегрированной культур-герменевтической компетентности, которая должна отражать профессиональное и этически-ответственное *понимание*.

Здесь важную инструментальную роль играют культурология, семиотика, теория коммуникации, помогающие понять принцип порождения и потребления смыслов. Но только расширение деятельностного подхода может сформировать необходимые компетенции. Его перспективные ресурсы заключаются прежде всего в инновационном развитии различных видов профессионально-предметных и социокультурных практик. Особое место в них должна занимать организация, мониторинг и оценка творческо-профессионального и личностно-ответственного поведения студентов в различных мероприятиях учебного и внеучебного характера.

Разумеется, что постоянно изменяющиеся условия соотношения человека и среды приводят к столкновению интересов, конфликтов, что требует разработки и реализации различных открытых моделей коммуникации. Это относится и к образовательному процессу, отношениям преподавателя и студента, администрации и всего состава университетского сообщества. Гуманитарным технологиям сложно обучить, если они сами не становятся организующим принципом и технологией самого образовательного про-

¹ Из доклада ректора РГПУ им. А. И. Герцена В. П. Соломина на Международной конференции «Состояние и перспективы гуманитарного знания и образования в странах СНГ».

² Из доклада директора Института всеобщей истории РАН, академика А. О. Чубарьяна.

цесса. А это требует перестройки сознания всех участников сложного процесса взаимодействия.

Гуманитарные технологии должны гармонизировать отношения человека с жизненной средой, принимая участие в разрешении кризисных и конфликтных ситуаций, учитывая ценностные позиции Другого и руководствуясь антропоцентричной стратегией. Гуманитарные технологии на основе понимания Другого в диалоге, переходящим в диалог согласия, формируют зону доверия и в ней разворачивают свои действия как действия совместные. Поэтому они должны быть прозрачными и понятными по своим действиям и мотивам участникам этих отношений. Гуманитарные технологии решают коммуникативные задачи гармонизации отношений между различными участниками-субъектами многомерных коммуникаций и содействует их развитию. Иначе говоря, гуманитарные технологии действуют в зонах конфликта (реального или потенциального) и в зонах развития.

Мы стоим в самом начале пути к гуманитарным технологиям в образовательной практике и социальной сфере и этот путь проходит через разные сферы науки и практики, а центром этого движения является человек.

Таким образом, создание инновационной системы подготовки специалистов в области гуманитарных технологий вызвано необходимостью привести педагогическое образование в соответствие с содержанием социальной и культурной макродинамики и потребностями масштабного цивилизационного развития России, оказавшейся в принципиально новой исторической ситуации.

Следует подчеркнуть необходимость с помощью гуманитарных технологий формировать у студентов конструктивно-критическое мышление неконфронтационного типа с практической способностью к диалогическому взаимодействию с людьми и «понимающему партнерству». Дело в том, что пришедший на смену прежним историческим типам культуры современный тип культуры требует новых духовно-ценностных, интеллектуальных и технологических качеств человека. Он должен иметь больше точек опоры, в том числе и внутри себя, ибо ответственность человека за все им совершенное неизмеримо возрастает. Человек, который не научен процедурам понимания себя, своего жизненного контекста и среды, особенностям сложных и многомерных коммуникаций, в которых он находится, неизбежно становится рабом чужих стремлений и манипуляций.

В процессе исследования современной ситуации в гуманитарном образовании (в широком значении этого слова) нам нужно уяснить, какие компетентности может сегодня дать вся система общей гуманитарной подготовки специалиста во взаимодействии ее компонентов друг с другом, а также выяснить, какие гуманитарные технологии способны обеспечить реализацию жизненных интересов человека и повышение качества его жизни.

Особенно подчеркнем несколько важных идей, связанных с обновлением содержания гуманитарного поля педагогического образования:

— преодолеть разрыв, существующий между глубокими гуманитарными традициями европейской и отечественной мысли и современным содержанием гуманитарного образования в педагогическом университете; ввести в это поле результаты осмысления междисциплинарных связей в области философии и педагогической антропологии, теории коммуникаций и социальной психологии, культурологии и семиотики, а также в области специфического менеджмента — организации и управления человеческими ресурсами, которые были либо далеко на периферии образовательных процессов, либо не учитывались вовсе;

— преодолеть предметоцентризм и перейти к образовательным областям, к деятельности и процессному подходам с учетом всех составляющих гуманитарного образо-

вания, которое необходимо инновационно интегрировать в междисциплинарные поля и вооружить специалиста новыми фундаментальными и актуальными компетенциями;

— обратить внимание на то, что гуманитарное образование должно научить будущего специалиста производить и обсуждать новые смыслы, развивать самосознание, в которых наше бытие нуждается, и что специалист по гуманитарным технологиям должен уметь осуществлять взаимодействие с разными людьми в поликультурном сообществе, обеспечивать нормальные условия для жизни людей разных культур, языков и религий;

— необходимо вернуть и поставить на высокое место идею воспитания целостной личности как субъекта культуры, воплощающего ее высшие устремления, привлекая для этого в основу воспитания этические образы — идеалы, способные стимулировать мотивацию будущих специалистов к самосовершенствованию и гражданскому служению отечеству.

Эта неясность проистекает из особенностей педагогической методологии, которая формировалась и развивалась в ближайшей отечественной истории как самостоятельная, достаточно автономная научная область, поскольку испытала мощное междисциплинарное воздействие коммунистической идеологии и практики. Отрыв педагогики и теории образования от культур-философского контекста гуманитарных наук и их методологии привело к парадоксу — многие понятия превратились в чистые знаки, означаемое которых лежит вне традиции.

И сегодня идет непростой процесс междисциплинарной интеграции педагогической науки, который осложнен более широкими проблемами гуманитарной науки и ее соотношения с науками естественнонаучного и «точного» цикла. Острая необходимость более глубокой интеграции педагогической науки в сферу междисциплинарных взаимодействий гуманитарного и естественнонаучного знания, связанного с проблемой исследования человека, современных процессов его развития, социализации, творческой деятельности и т. д., а также разработки нового научно-методического обеспечения задач модернизации образования напрямую связано с культур-философским пониманием специфики современного университета и ее (ре-)конструированием.

Пока же в выстраивании государственной политики в области образования «не всегда учитываются глобальные, геостратегические задачи, стоящие перед обществом и государством, да и само состояние науки, ее ресурсные и кадровые возможности не всегда принимаются в расчет»¹.

Не менее важно и то, что сами образовательные стратегии, предписываемые российскому педагогу, заключают в себе ряд противоречий. Начиная от воспитания «творческих качеств» личности посредством тестирования, до формирования общественных национальных ценностей в системе, которая, согласно последнему проекту Закона «Об образовании в РФ», устраняет государство из числа субъектов образовательной деятельности, оставляя образование в сфере гражданско-правового или частноправового регулирования.

Как отмечают многие западные специалисты, современные исследования в области образования свидетельствуют, что эффективность системы образования не находится в прямой зависимости от увеличения финансирования сферы образования². Это суж-

¹ Карпов С. П. Из выступления на Первой Всероссийской научно-практической конференции ученых-историков и преподавателей «Историческое образование в современной России: перспективы развития» 28–31 октября 2010 год.

² Доклад компании Мак Кинзи «Как хорошие образовательные системы могут стать еще лучше?» при поддержке Комиссии по развитию образования Общественной палаты РФ, Российского общественного совета по развитию образования, Института развития образования Государственного университета — Высшей школы экономики (22 мая 2010 года).

дение в известной степени подтверждается и российскими учеными. В докладах Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования¹ неоднократно подчеркивалось, что при отсутствии прямой связи между финансированием и благополучным развитием важных социокультурных сфер общества существует взаимосвязь между национальным самосознанием, уровнем культуры и развитием сфер здравоохранения, образования, национальной безопасности. Но между этими двумя позициями находится большая смысловая дистанция.

Основной посылкой в выстраивании нового образовательного пространства по западным образцам является мысль о том, что системы управления промышленными предприятиями, бизнес-структурами и учреждениями образования подчиняются единым законам. Логика жесткого прагматизма подразумевает четкое определение приоритетных вопросов и рабочего плана; детально прописывается участие каждого субъекта процесса. Система мотивации развернута на основе инструментов поощрения и взыскания, имеет предельно прозрачный характер.

Как пишет сэр Майкл Барбер² в одной из статей, «информация по результатам проверок доступна для общественности, что создает давление на школы и госслужащих со стороны общественности. Таким образом, госслужащим делегируется ряд полномочий, но само государство в процесс предоставления общественных услуг вмешивается минимально»³.

Финансовая и идеологическая самостоятельность учреждений образования определена успешностью учебного заведения: «Государственная школьная программа определяет, что школьники должны знать, понимать и уметь делать. Основная часть финансирования (около 90%) поступает в распоряжение директоров школ, которые используют средства по своему усмотрению для выполнения поставленных задач. Система тестирования дает наглядные, основанные на реальной успеваемости учащихся сравнительные данные, предоставляющие школе возможность сравнить себя с другими школами и системой в целом. На основе этого руководство школы ставит себе цели на будущее»⁴.

Помимо вопроса о том, приживется ли система поощрения конкуренции в российских образовательных учреждениях и какие она даст плоды, можно задаться и методологическим вопросом: возможно ли прямое перенесение законов промышленного развития на важнейшие социальные аспекты общественной жизни — культуру и образование?

Здесь уместно привести высказывание Е. М. Примакова, указывающего на неприемлемость претензий частных экономических теорий на универсальность своей реализации: «Современный либерализм проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Но у либерального подхода к экономике — так показывает международный опыт — не может быть универсальной матрицы, подходящей ко всем странам и на всех этапах их развития»⁵.

Повышение качества жизни населения, социальной устойчивости в обществе, наконец, заявляемые на самом высоком уровне задачи формирования общественно зна-

¹ <http://www.rusrand.ru>

² М. Барбер, М. Муршед. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школе // Вопросы образования. 2008. № 3.

³ Представитель консалтинговой компании Мак Кинзи, в прошлом заместитель министра образования Великобритании; в течение шести лет работал в кабинете Тони Блэра, где участвовал в создании системы эффективной оценки проводимых в стране реформ.

⁴ Доклад компании Мак Кинзи «Как хорошие образовательные системы могут стать еще лучше?»

⁵ Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.

чимых ценностных ориентиров в российском обществе, не могут быть достигнуты лишь экономическими методами. Один из важнейших ресурсов в данном вопросе — возрождение национального самосознания и сохранение национальной идентичности, духовных и нравственных ценностей.

И здесь, к сожалению, приходится признать, что силами только образования невозможно ответить на все запросы современного общества. Система образования — лишь один элемент в процессе формирования национальной и личностной идентичности. Семья, пространство средств массовой информации, пространство культуры в современную эпоху часто способствуют формированию негативной идентичности. А это значит, что вопрос о финансировании педагогической сферы следует решать совместно с вопросами укрепления семьи, сохранения памятников культуры, популяризации исторического знания.

Эффективность социального взаимодействия в современном обществе во многом зависит от расстановки акцентов в информационном пространстве. Университет сегодня — это уникальное культурное и образовательное пространство, объединяющее почти все возможные общественные аудитории. И в условиях, когда «успешность общественных действий должна подтверждаться соответствием аутентичной культурной традиции, национальному общественному характеру»¹, российская система образования имеет возможности стать центром социального взаимодействия.

С. Ю. Трапицын

РОЛЬ И МЕСТО УНИВЕРСИТЕТОВ В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

В обеспечении устойчивого развития экономики и общества, решении острых проблем современного мира образованию отводится ведущая роль. По утверждению известного исследователя образовательных систем Майкла Барбера, реформа образования входит в число главных задач почти всех стран. Инновационные сценарии развития экономики и общества требуют выработки новых стратегий, принципов и механизмов развития и модернизации системы образования. Наиболее перспективными и глубокими основаниями, лежащими в основе таких стратегий, являются идеи о ведущей роли человеческого капитала как цели и средства модернизационных процессов.

По мнению многих авторитетных исследователей (Гейдер, 1993; Кларк, 2006; Салми, 2009), главным двигателем инновационного развития стран в современных условиях становится создание конкурентоспособных университетов, способных аккумулировать и приумножать собственный и общенациональный интеллектуальный потенциал, а также способствовать системной интеграции образования, науки и трансфера технологий в производство.

Идея о необходимости трансформации мировой системы образования в экономике знаний была провозглашена на проходившем в 2006 году в Санкт-Петербурге саммите «Большой восьмерки». В итоговом документе саммита «Образование для инновационных обществ XXI века» была поставлена задача коренной модернизации образовательных систем в направлениях, обеспечивающих поддержку инновационных процессов для устойчивого общественного развития в долгосрочной перспективе [1].

¹ Преображенская К. В., Шелонаев С. И. Антропологические парадигмы взаимодействия социальных институтов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 2.